

Л.В. Чернец

О типологическом изучении литературных персонажей

Аннотация: В статье разграничиваются смежные понятия «типический характер», или «типический образ» (показатель художественного совершенства изображения, результат творческой типизации), и «тип персонажа» (выделяемый при типологии, классификации персонажей). Тип персонажа понимается как инвариант, узнаваемый в различных по индивидуальному характеру персонажах – его вариациях. Подчеркиваются роль номинаций типа персонажа («лишний человек», «человек в футляре»), способствующих его закреплению в литературном процессе, а также его эволюция, возможность перерождения, превращения в стереотип. Материалом исследования является русская литература и критика XIX в.

Ключевые слова: художественный образ, персонаж, характер, творческая типизация / типология персонажей, тип персонажа, его номинация, русская литература и критика XIX века

Abstract: The author differentiates between the closely connected conceptions of typical character (image) as a result of artistic perfection and the type of character as a result of classification. The article emphasizes the role of nomination of the type of character, its evolution in the literary process. The examples are taken from the Russian literature of XIX century.

Key words: artistic image, artistic perfection, character, type of character, its evolution, classification and nomination of types of character, Russian literature and critic of XIX century

Если ценность и прелесть *художественного* слова часто состоит в его многозначности, то терминология науки о литературе обязана быть по возможности четкой и последовательной. В то же время ее лексикон в существенной своей части заимствован из самой литературы, из суждений писателей, из литературной критики, он не герметичен и прочно связан с традицией. И приобретенная в «большом времени» культуры (М.М. Бахтин)¹ многозначность слов, выполняющих роль терминов, создает подчас не меньшие трудности для исследователя, чем «стерильные» неологизмы, лишённые коннотаций, как-то: *дискурс, актант, симулякр*.

---

¹ Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 393.

Слово «тип», казалось бы, простое и ясное, давным-давно ставшее русским, имеет, согласно «Словарю современного русского литературного языка», девять значений, из них одно (четвертое по счету) отнесено к литературному персонажу: «образ в произведениях литературы и искусства, в индивидуальных чертах которого воплощены наиболее характерные признаки лиц определенной категории»¹.

В приведенном определении можно выделить два аспекта: 1) тип как образ, т.е. созданная писателем индивидуальность, воплощающая общее с большей или меньшей степенью художественной убедительности, иначе говоря, имеется в виду *качество художественности*; 2) тип как «лицо определенной категории», т.е. сам *предмет* изображения.

Разграничение этих разных, хотя и смежных, аспектов: предмета и качества изображения – очень важно в науке о литературе. Суть проблемы высвечивается при сопоставлении двух понятий: *типизация* и *типология*.

Теория типизации восходит прежде всего к трактовке Г.В.Ф. Гегелем процесса «идеализации» в искусстве, «очищения» предмета от всего случайного, несущественного для него. Напомню, что философ уподобил образ в искусстве «глазу, образующему вместилище души». По его словам, искусство «каждое свое творение делает тысячеглазым Аргусом, чтобы мы могли видеть в каждой точке этого творения внутреннюю душу и духовность. Оно превращает в глаз не только телесную форму, выражение лица, жесты и манеру держаться, но точно так же поступки и события, модуляции голоса, речи и звука на всем их протяжении и при всех условиях их проявления, и в этом глазе познается свободная душа в ее внутренней бесконечности»². Понятия творческой типизации, типического в искусстве в отечественных работах по эстетике и теории литературы освещаются обычно с опорой на данный раздел гегелевской эстетики (с оговорками, что теория «идеализации» сохраняет свое значение и за пределами идеалистической философии)³.

Типология же созданных образов, или персонажей, – это группировка их в *типы* на основании определенных сходных свойств характеров. При этом для литературоведа важны как художественно совершенные, типические образы, так и уязвимые в эстетическом отношении. Ведь классика – это далеко не вся художественная литература, есть еще беллетристика, составляющая средний, самый широкий литературный ряд. Она уже по определению уступает классике по своему художественному качеству, хотя, конечно, границы между классикой и беллетристикой подвижны и репутации писателей меняются. И еще есть массовая литература, эстетический «низ», где господствуют шаблоны, стереотипы, а не типические образы, отвечающие критериям высокой художественности⁴.

---

¹ Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.: Изд-во АН СССР, 1948–1965. Т. 15. Стлб. 443.

² Гегель Г.В.Ф. Эстетика: В 4 т. Т. 1. М.: Искусство, 1968. С. 162–163.

³ См.: Поспелов Г.Н. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1978. С. 46–48; Боров Ю.Б. Эстетика. М.: Высшая школа, 2002. С. 118–119; Кожин В.В. Типическое // Литературный энциклопедический словарь / Под общей ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 440; Тамарченко Н.Д. Эстетическая деятельность // Тамарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н. Теория литературы: В 2 т. Т. 1. М.: Академия, 2004. С. 53; и др.

⁴ См.: Гурвич И.А. Беллетристика в русской литературе. М., 1991; Мельников Н.Г. Массовая литература // Введение в литературоведение / Под ред. Л.В. Чернец. М.: Академия, 2012; Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Академия, 2009 (раздел «Литературные иерархии и репутации»; написан при участии Е.М. Пульхритудовой, стр. 359–378).

При изучении *литературного процесса* для критика и литературоведа, в особенности мыслящего социологически, интересна сама *частотность* обращения писателей (независимо от степени их одаренности) к тем или иным типам персонажей. Движущаяся типология персонажей (одни становятся «героями времени», другие демонизируются, превращаются в стереотипы, мишень для пародий, вообще исчезают или перерождаются) в той или иной мере отражает смену общественных идеалов, ценностных установок, разное историческое наполнение таких эстетических категорий, как героизм, трагизм, комизм, романтика и пр.

Если теория художественной *типизации* в нашем литературоведении разработана очень основательно, то вопросам *типологии* персонажей, по крайней мере на теоретическом уровне, уделяется гораздо меньше внимания¹. Более того, сами названные понятия недостаточно разграничены, о чем косвенно свидетельствует отсутствие в литературоведческих словарях понятия «тип персонажа». А ведь оно является *родовым* по отношению, например, к таким разновидностям, как «маленький», «лишний», «подпольный человек». В «Литературном энциклопедическом словаре» есть статьи Ю.В. Манна «Маленький человек», «Лишний человек», но нет статей ни о типологии персонажей, ни о других конкретных их типах². В системе терминов, используемых при анализе персонажной сферы литературных произведений (*образ, персонаж, герой, действующее лицо, актер / актант, характер, тип, типический характер, система персонажей и др.*), лексема «тип» – самая многозначная³. Преодолению этой терминологической нечеткости и, как следствие, утомительных споров о словах может способствовать введение в литературоведческий тезаурус понятия-термина «тип персонажа».

О смене ведущих типов персонажей, героев и антигероев времени, много размышляли русские классики. Так, А.Н. Островский в письме к Н.Я. Соловьеву (11 октября 1879 г.) по поводу их общей пьесы «Дикарка» ободрял своего молодого соавтора: «Каждое время имеет свои идеалы, и обязанность каждого честного писателя (во имя вечной правды) разрушать идеалы прошедшего, когда они отжили, опошлелись и сделались фальшивыми. Так на моей памяти отжили идеалы Байрона и наши Печорины, теперь отживают идеалы 40-х годов, эстетические дармоеды вроде Ашметьева, которые эгоистически пользуются неразумием шальных девок вроде Дикарки, накоротке поэтизируют их и потом бросают и губят. Идея эта есть залог прочного литературного успеха нашей пьесы и, как смелое нападение на тип, еще сильный и авторитетный, в высшей степени благородна»⁴.

¹ Из последних работ, посвященных общим вопросам типологии персонажей, назовем следующие: Художественная антропология. Теоретические и историко-литературные аспекты. Материалы Международной научной конференции «Поспеловские чтения» – 2009 / Под ред. М.Л. Ремнёвой, О.А. Клинга, А.Я. Эсалнек. М.: МАКС Пресс, 2011. 512 с.; Савинков С.С., Фаустов А.А. Аспекты русской литературной характерологии. М.: Изд-во Кулагиной – Intrada, 2010. 332 с.; Володина Н.В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения. М.: Флинта; Наука, 2010. 256 с.; Characters in fictional worlds, understanding imaginary beings in literature, film and other media / Eds. J. Jeder, F. Jannidis, R. Schneider. Berlin; N.Y.: De Gruyter, 2010. 596 p.; и др.

² См.: Манн Ю.В. «Лишний человек», «Маленький человек» // Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 204, 207–208.

³ См.: Чернец Л.В. Персонажная сфера литературных произведений: понятия и термины // Художественная антропология: теоретические и историко-литературные аспекты. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 22–35.

⁴ Островский А.Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 11. М.: Искусство, 1979. С. 662.

Богатство и разнообразие типов персонажей, в особенности введение в литературу нового самобытного героя (или антигероя) времени, – важнейший критерий оценки творчества писателя. Для А.А. Григорьева А.С. Пушкин – «наше все», прежде всего потому, что он «заклинатель и властелин многообразных стихий»¹. Его душевная борьба с различными идеалами увенчивается созданием *национальных* типов: «мрачный сплин и язвительный скептицизм Чайльд-Гарольда заменился в лице Онегина хандрою от праздности, тоскою человека, который внутри себя гораздо проще, лучше и добрее своих идеалов», тип Дон-Жуана южных легенд в «Каменном госте» смягчается «русским тонко критическим чувством, – из чисто русской удали, беспечности, какой-то дерзкой шутки с прожигаемую жизнью, какой-то безусталой гоньбы за впечатлениями», в пушкинском герое критик видит след «Чурилы Пленковича, этого Дон-Жуана мифических времен, порождения нашей народной фантазии»². Особой заслугой Пушкина критик считает создание типа Ивана Петровича Белкина – «почти любимого типа поэта в последнюю эпоху его деятельности»; принимая взгляд Белкина, поэт рассказывает не только известный цикл повестей, но и «многие добродушные истории, между прочим “Летопись села Горюхина” и семейную хронику Гриневых»³. В Белкине, согласно Григорьеву, отразилась «критическая сторона души» Пушкина, который «вовсе не думал отрекаться от прежних своих сочувствий или считать их противозаконными», в нем, как и в лермонтовском Максиме Максимыче, критик видит «вовсе не героев, но контрасты типов, которых величие оказалось на нашу душевную мерку несостоятельным»⁴.

В суждениях Григорьева о типах, введенных Пушкиным в русскую литературу, обращает на себя внимание и указание на их богатство и разнообразие и (что особенно важно для нашей темы) рассмотрение типа на материале ряда произведений: так, рассказчик в «Капитанской дочке», Максим Максимыч, некоторые персонажи рассказов Л.Н. Толстого суть воспроизведения белкинского типа. Применяя структуралистскую терминологию, можно сказать, что тип персонажа – это *инвариант*, который в чистом виде нигде не представлен, он воплощен в различных *вариациях*, каковыми являются конкретные персонажи (или рассказчики). Естественно, сопоставление этих вариаций, созданных в разное время в произведениях разных жанров и часто разными авторами, позволяет проследить *эволюцию* типа.

В суждениях многих русских классиков и критиков XIX в. важнейшее мерило таланта – введение в литературу *нового* типа персонажа. «Но неужели ты считаешь роман Писемского прекрасным? – пишет Ф.М. Достоевский из Семипалатинска М.М. Достоевскому о «Тысяче душ». – Это только посредственность, и хотя золотая, но только все-таки посредственность. Есть ли хоть один новый характер, *созданный*, никогда не являвшийся? Все это уже было и явилось давно у наших писателей-новаторов, особенно у Гоголя. Это все старые темы на новый лад» (31 мая 1858 г.)⁵. В «Дневнике писателя» за 1873 г. Ф.М. Достоевский сетует на то, что «наши художники» начинают «обрабатывать данный тип в искусстве уже тогда,

¹ Григорьев А.А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина. Статья первая // Григорьев А.А. Искусство и нравственность. М.: Современник, 1886. С. 78, 84.

² Там же. С. 84–85.

³ Там же. С. 88.

⁴ Там же. С. 92. Между А.А.Григорьевым и Н.Н. Страховым, последователем его «органической» критики, были существенные расхождения в понимании и оценке белкинского («смирного») типа. См.: Бочаров С.Г. Поэтика Пушкина. Очерки. М.: Наука, 1974. С. 132–139.

⁵ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 28. Кн. 1. С. 312.

когда большею частью он проходит и исчезает, вырождается в другой, сообразно с ходом эпохи и ее развития, так что всегда почти старое подают нам на стол за новое. <...> ...только гениальный писатель или уж очень сильный талант угадывает тип *современно* и подает его *своеобразно*; а ординарность только следует по его пятам, более или менее рабски и работая по заготовленным уже шаблонам»¹. (Заметим в скобках, что для историка литературы представляют интерес и произведения, написанные по «шаблонам», с их, по словам Достоевского, «вывесочной, малярной работой»², поскольку они информируют о читательском спросе на ту или иную тему.)

Однако не менее, чем появление в зеркале литературы еще только формирующегося в общественной жизни типа, значима и его художественная «биография»: прототипы (жизненные и литературные), этапы развития, итоги. В этом аспекте антиподом Достоевского можно считать И.А. Гончарова. Он признавал существование типа (в жизни и в литературе) только в случае его многократного проявления и энергично спорил по этому вопросу с Достоевским: «Тип, я разумею, с той поры и становится типом, когда он повторился много раз или много раз *был замечен*, пригляделся и стал всем знаком» (письмо Ф.М. Достоевскому от 14 февраля 1874 г.)³. И хотя безусловного победителя в этом споре между писателями нет, следует признать, что литературные предшественники были не только у Обломова, но и у главного героя романа «Идиот», где «главной мыслью» было «изобразить “положительно прекрасного человека”». Сознавая, что эта «задача безмерная», писатель все же упоминает такие «прекрасные лица в литературе христианской», как Дон-Кихот, Пиквик и Жан Вальжан (письмо С.А. Ивановой от 1 января 1868 г.)⁴.

Обращение к золотому веку русской литературы позволяет уверенно сказать, что типом персонажа не является отдельный художественный образ человека: писатели связывали с типом всегда некое множество лиц среди потенциальных прототипов в жизни и в литературе. Так, А.П. Чехов писал А.С. Суворину (7 января 1889 г.) о своей пьесе «Иванов»: «Я лелеял дерзкую мечту суммировать всё то, что доселе писалось о ноющих и тоскующих людях, и своим Ивановым положить предел этим писаньям. Мне казалось, что всеми русскими беллетристами и драматургами чувствовалась потребность рисовать унылого человека и что все они писали инстинктивно, не имея определенных образов и взгляда на дело. По замыслу-то я попал приблизительно в настоящую точку, но исполнение не годится ни к черту. Надо было бы подождать!»⁵ Суровый самосуд автора можно оспорить, но показателен замысел – «суммировать все то, что доселе писалось...». Иванов мыслился как один из многих, что, кстати, подчеркивала сама его фамилия.

И.С. Тургенев, тяжело переживший критическую бурю, разразившуюся из-за образа Базарова, размышляет в статье «По поводу “Отцов и детей”» (1869): «Вся причина недоразумений, вся, как говорится, “беда” состояла в том, что воспроизведенный мной базаровский тип не успел пройти через постепенные фазисы, через которые обыкновенно проходят литературные типы. На его долю не пришлось – как на долю Онегина или Печорина – эпохи идеализации, сочувственного превознесения. В самый момент появления *нового* человека – Базарова – автор

¹ Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 21. С. 89.

² Там же. С. 88.

³ Гончаров И.А. Собр. соч.: В 8 т. М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1952–1955. Т. 8. С. 459.

⁴ Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 28. Кн. 2. С. 251.

⁵ Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1974–1982. Письма: В 12 т. Т. 3. С. 132.

отнесся к нему критически... объективно. Это многих сбило с толку, и – кто знает! – в этом была, быть может, если не ошибка, то несправедливость. Базаровский тип имел по крайней мере столько же права на идеализацию, как предшествовавшие ему типы»¹. Писатель здесь размышляет не только о своем герое, но о «базаровском типе», о «фазисах», через которые он должен был пройти.

Показателем формирования типа персонажа обычно является его устойчивая *номинация*. Чаще всего ее вводил писатель, но свою лепту вносили и критики. Иногда предлагалось несколько номинаций. Так, после появления повести Тургенева «Дневник лишнего человека» (1850) критики относили к «лишним людям» не только героев его *последующих* произведений (Рудин, Берсенева, братья Кирсановы, Нежданов и др.), но и *предшественников* (безымянный Василий Васильевич из рассказа «Гамлет Щигровского уезда», заглавие которого тоже претендовало на название типа). Другую номинацию типа – «слабый человек» – предложил П.В. Анненков в статье о повести «Ася» – «Литературный тип слабого человека» (1858). В 1860-е гг., особенно после проведенной Н.А. Добролюбовым в статье «Что такое обломовщина?» (1859) эпатазирующей параллели (Онегин – Печорин – Тентетников – Бельтов – Рудин – Обломов), названных героев в радикальной демократической критике скопом стали называть «*лишними людьми*». Это определение прочно приросло и к Онегину (которого в 1844 г. Белинский назвал «*страдающим эгоистом*», и к Печорину (ведь он, по Белинскому, «Онегин нашего времени»)»². Вообще, история появления, соперничества номинаций, утверждения одной из них заслуживает специального изучения.

В зеркале метких номинаций отражается движущаяся типология персонажей. Напомню некоторые из них, отсылающие к творчеству писателей, неоднократно возвращающихся к притягивающему их типу: *двойник, мечтатель, подпольный человек* (Достоевский), *самодур, деловой человек* (А.Н. Островский), *нигилист, опростелые* (Тургенев), *новые люди и разумные эгоисты* (Н.Г. Чернышевский), *помпадур и помпадурши, господа ташкентцы* (М.Е. Салтыков-Щедрин), *кисейная девушка* (Н.Г. Помяловский), *праведник* (Н.С. Лесков), *кающийся дворянин* (Н.К. Михайловский), *хмурые люди, человек в футляре* (Чехов). Сюда же следует отнести собственные имена литературных персонажей, получившие *нарицательное* значение: *пушкинская Татьяна, Чацкий, Обломов, Платон Каратаев*. Было бы полезно составить подробный перечень таких номинаций применительно к периодам общественного и литературного развития.

Любое понятие следует рассматривать в системе, в его соотношении со смежными понятиями. В данном случае нужно соотнести тип персонажа с *индивидуальным характером* изображенного лица. В современном литературоведении обозначилась тенденция трактовать тип как «характер стандартизованный, не являющийся или переставший быть формой самодеятельности человека и выражением его способности к выбору»³; в качестве примера *типа* приводится гоголевский Башмачкин.

Такое ограничение объекта типологии «стандартизованными характерами», по-моему, резко расходится с традицией русской критики, со словоупотреблением

¹ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Т. 11. М.: Наука, 1983. С. 91.

² См.: Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1952–1959. Т. 4. С. 265; Т. 7. С. 458.

³ Тамарченко Н.Д. Тип // Поэтика. Словарь актуальных понятий и терминов / Гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной – Intrada, 2008. С. 263.

самих писателей. Конечно, персонажи старинных сатирических «зерцал» (наподобие «Корабля дураков» С. Бранта) или римской паллиаты, с ее четкой семиотикой масок, – воплощение совсем иной концепции личности, чем в «романизованных», по выражению М.М. Бахтина, жанрах литературы Нового времени, времени, когда окончательно сломалось «колесо Вергилия». «Зазор» между индивидуальным характером персонажа и типом, к которому его можно отнести, в русской литературе XIX в., где первенствуют противоречивые и развивающиеся характеры, конечно, очень велик. Он несоизмерим с соотношением *характера* и *типа* в античности или в средневековье. Как отмечает Г.А. Стратановский, комментатор «Характеров» Феофраста, «в термине “характер” мы теперь... делаем акцент на личной особенности индивида, которая сообщает ему печать неповторимости, исключительности и действует как живая сила развития. Для грека же, наоборот, характер – это “штамп” (для чекана монет, который никогда не предназначен для одного экземпляра), “тип”, “застывшая маска”. Оттого Феофраста не интересует “личность”, но всегда “тип”»¹.

О литературе Нового времени можно сказать так: писатель рисует неповторимую личность своего героя, прослеживает развитие его характера, но одновременно его интересуют и *типовые* черты. Наиболее продуктивным и соответствующим традиции золотого века нашей литературы представляется понимание *типа* как общих (типовых) черт, или *доминанты* индивидуализированных характеров персонажей, обычно отраженной в номинации типа, иначе говоря, как инварианта, прослеживаемого в вариациях.

В заключение приведу пример вариаций одного типа в произведениях Чехова. «Человек в футляре» – эта меткая метафора быстро стала номинацией литературного типа. А.М. Скабичевский отметил в 1898 г. (сразу после публикации рассказа): «...личность Беликова является замечательным художественным откровением г. Чехова, одним из тех типов, которые, вроде Обломова или Чичикова, выражают собою или целую общественную среду, или дух своего времени»². А в 1915 г. В.Ф. Переверзев в рецензии на сборник Н.И. Тимковского характеризует воссозданный писателем в повести «Сергей Шумов» «мир» гимназии: «...это мир торжествующих по всему фронту “человеков в футляре”...»³. Повесть Тимковского была написана в 1896 г., за два года до появления чеховского шедевра, т.е. чеховская номинация типа применена к персонажам, созданным до Чехова. К этому же типу, но на поздней стадии его эволюции, В.А. Келдыш относит Передонова, героя «Мелкого беса» Ф.К. Сологуба (1902): «После Чехова наиболее последовательное и законченное выражение “футлярной темы” мы найдем именно у Сологуба»⁴.

Но Беликов не единственный, хотя, по-видимому, наиболее яркий, представитель данного типа в произведениях Чехова: к нему можно отнести и других героев, в частности Федора Ильича Кулыгина из пьесы «Три сестры» (1900), хотя черты «футлярного» типа в нем менее заметны: они смягчены его природной добротой.

Что главное в Беликове как типе персонажа? Очевидно, сочетание страха перед жизнью (это и терзающий его шум в гимназии, и свободная мысль, и предстоящая

¹ Стратановский Г.А. Феофраст и его «Характеры» // Феофраст. Характеры. СПб.: Азбука-классика, 2010. С. 84.

² Сын отечества. 1898. № 238, 4 сент.

³ Переверзев В.Ф. Тимковский. Сергей Шумов. М., 1915 // Современный мир. 1915. № 11. С. 163–164 (раздел «Критика и библиография»).

⁴ Келдыш В.А. О «Мелком бесе» // Сологуб Ф.К. Мелкий бес. Томск, 1990. С. 8.

женитьба) и агрессивности, которой окрашена вся его должность педагога. «Как бы чего не вышло» – эти его слова повторяются в рассказе восемь раз.

В отличие от Беликова или Пришибеева Кулыгин не гротескный образ. Но в его мыслях и поведении господствует шаблон, циркуляр, он постоянно оглядывается на директора гимназии, что раздражает его жену Машу. Когда заходит речь о ее участии в концерте в пользу погорельцев, он «вздыхает», так как не знает, одобрит ли это директор – «хороший человек, даже очень хороший, но у него такие взгляды...» (стр. 376)¹. Он сбрил себе усы в подражание директору: «– Так принято, это *modus vivendi*. Директор у нас с выбритыми усами, и я тоже, как стал инспектором, побрился. Никому не нравится, а мне все равно. Я доволен» (стр.387).

Но что Кулыгин очень хорошо знает, так это латинские афоризмы, которые он произносит в каждом действии, к месту и не к месту, неизменно поучая других и перемешивая их с советами по хозяйству: «– ...Ковры надо будет убрать на лето и спрятать до зимы... Персидским порошком или нафталином... Римляне были здоровы, потому что умели трудиться, умели и отдыхать, у них была *mens sana in corpore sano*. Жизнь их текла по известным формам. Наш директор говорит: “Главное во всякой жизни – это ее форма...”» (стр. 348). Это «готовые слова», принадлежащие не ему, и за ними можно спрятаться. Он часто сообщает окружающим, что «весел», «доволен», «счастлив». Повторы звучат как заклинание, и возникает сомнение: действительно ли это так? Ведь Кулыгин замечает увлечение Маши Вершининым. Но латынь, «*ut consecutivum*», которое он преподает, смягчает жизненные невзгоды, помогает ему не слишком страдать. Против бед он вооружен... латынью.

Мысль, скованная догматами, и навязывание своей модели поведения другим людям (у Кулыгина – в мягкой форме, у Беликова – в устрашающей) – это сочетание составляет суть «футлярного» типа, сближающую персонажей, разных по характеру и темпераменту. Правда, профессия у них одна, что, конечно, не случайно: трудно найти для педагога, поместившего себя в «футляр», более подходящий предмет, чем мертвые языки. Такая работа была особенно удобной нишей в период, когда право на поступление в университеты давала только классическая гимназия².

Итак, типология и типизация, тип и характер персонажа, типический образ и стереотип – соотношение этих понятий, естественно, бесконечно видоизменяется в истории национальных литератур, в зависимости от периодов их развития, родовой и жанровой принадлежности произведений, эстетического модуса, авторской индивидуальности. Но нужны генерализирующие понятия, позволяющие увидеть общую картину движения художественной антропологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин М.М.* К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.

2. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959.

¹ Текст пьесы приводится с указанием страниц по изд.: *Чехов А.П.* Собр. соч.: В 12 т. М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1954–1957. Т. 9.

² Подробнее см.: *Чернец Л.В.* Человек в футляре: литературный тип и его вариации // Русская словесность. 2014. № 2. С. 24–31; см. также анализ типов персонажей у А.Н. Островского: *Чернец Л.В.* Типы «самодура» и «делового человека» в пьесах А.Н. Островского // Наследие А.П. Скафтымова и актуальные проблемы изучения отечественной драматургии и прозы. Материалы Вторых международных Скафтымовских чтений (Саратов, 7–9 октября 2014 г.). М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2015. С. 73–86.

3. *Борев Ю.Б.* Эстетика. М.: «Высш. школа», 2003. 511 с.
4. *Бочаров С.Г.* Поэтика Пушкина. Очерки. М.: Наука, 1974. 208 с.
5. *Володина Н.В.* Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения. М.: Флинта, Наука, 2010. 256 с.
6. *Гегель Г.В.Ф.* Эстетика: В 4 т. Т. 1. М.: Искусство, 1968. 312 с.
7. *Гончаров И.А.* Собр. соч.: В 8 т. М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1952–1955.
8. *Григорьев А.А.* Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина. Статья первая // Григорьев А.А. Искусство и нравственность. М.: Современник, 1886.
9. *Гурвич И.А.* Беллетристика в русской литературе XIX века. М.: Изд-во Российского открытого ун-та, 1991. 90 с.
10. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
11. *Келдыш В.А.* О «Мелком бесе» // Сологуб Ф.К. Мелкий бес. Томск, 1990.
12. *Кожин В.В.* Типическое // Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Коженикова и П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987.
13. *Манн Ю.В.* «Лишний человек»; «Маленький человек» // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
14. *Мельников Н.Г.* Массовая литература // Введение в литературоведение / Под ред. Л.В. Чернец. М.: Высшая школа, 2012.
15. *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: В 12 т. М.: Искусство, 1973–1980.
16. *Савинков С.С., Фаустов А.А.* Аспекты русской литературной характерологии. М.: Изд-во Кулагиной – Intrada, 2010. 332 с.
17. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.: изд-во АН СССР, 1948–1965.
18. *Стратановский Г.А.* Феофраст и его «Характеры» // Феофраст. Характеры. СПб.: Азбука-классика, 2010.
19. *Переверзев В.Ф.* Тимковский. Сергей Шумов. М., 1915 // Современный мир, 1915. № 11.
20. *Поспелов Г.Н.* Теория литературы. М.: Высшая школа, 1978. 351 с.
21. *Тамарченко Н.Д.* Тип // Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной – Intrada, 2008.
21. *Тамарченко Н.Д.* Эстетическая деятельность // Тамарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н. Теория литературы: В 2 т. Т. 1. М.: Академия, 2004.
22. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: С 30 т. Соч.: в 12 т. Т. 11. М.: Наука, 1983.
23. *Хализев В.Е.* Теория литературы. М.: Академия, 2009. 432 с.
24. Художественная антропология. Теоретические и историко-литературные аспекты. Материалы Международной научной конференции «Поспеловские чтения» – 2009 / Под ред. М.Л. Ремнёвой, О.А. Клинка, А.Я. Эсалнек. М.: МАКС Пресс, 2011. 512 с.
25. *Чернец Л.В.* Персонажная сфера литературных произведений: понятия и термины // Художественная антропология. М.: МАКС Пресс, 2011.
26. *Чернец Л.В.* Типы «самодура» и «делового человека» в пьесах А.Н. Островского // Наследие А.П. Скафтымова и актуальные проблемы изучения отечественной драматургии и прозы. Материалы Вторых международных Скафтымовских чтений (Саратов, 7–9 октября 2014 г.). М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2015.

27. Чернец Л.В. Человек в футляре: литературный тип и его вариации // Русская словесность. 2014. № 2.

28. Чехов А.П. Полн. собр.соч. и писем: В 30 т. Письма: в 12 т. Т. 3. М.: Наука, 1976.

29. Чехов А.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 9. М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1956.

REFERENCES

1. Bakhtin M.M. On Methodology of the Humanities. In: Bakhtin M.M. (1986) *Aesthetics of Verbal Art*. Moscow. Iskusstvo.

2. Belinsky V.G. The Complete Set of Works: In 13 v. Moscow. USSR Academy of Sciences Publ. 1953–1959.

3. Borev Y.B. (2003) *Aesthetics*. Moscow. Vyschaya Shkola. 511 p.

4. Bocharov S.G. (1974) *The Poetics of Pushkin. Essays*. Moscow. Nauka. 208 p.

5. Volodina N.V. (2010) *Concepts, Universals, and Stereotypes in Literary Criticism*. Moscow. Flinta, Nauka. 256 p.

6. Hegel G.W.F. (1984) *Aesthetik* / Hrsg. von F. Bassenge. Berlin und Weimar. Aufbau-Verlag. 1984.

7. Goncharov I.A. *Collected Works*: In 8 v. Moscow. Gosudarstvennoye Izdatelstvo Khudozhestvennoy Literatury, 1952–1955.

8. Grigoryev A.A. A Look at Russian Literature from Pushkin's Death. Article One. In: Grigoryev A.A. *Art and Morality*. Moscow. Sovremennik. 1886.

9. Gurvich I.A. (1991) *Belles-lettres in Russian Literature of the XIX Century*. Moscow. Russian Open University Publ. 1991. 90 p.

10. Dostoevsky F.M. *The Complete Set of Works*: In 30 v. Leningrad. Nauka. 1972–1990.

11. Keldysh V.A. About 'Melkiy Bes'. In: Sologub F.K. *Melkiy Bes*. Tomsk. 1990.

12. Kozhinov V.V. The Typical. In: *Literary Encyclopedic Dictionary* / Eds. V.M. Kozhevnikov and P.A. Nikolaev. Moscow. Sovetskaya enciklopediya. 1987.

13. Mann Y.V. 'Lishniy Chelovek'; 'Malenkiy chelovek'. In: *Literary Encyclopedic Dictionary* / Eds. V.M. Kozhevnikov and P.A. Nikolaev. Moscow. Sovetskaya enciklopediya. 1987.

14. Melnikov N.G. Mass literature. In: *Introduction to Literary Criticism* / Ed. L.V. Chernets. Moscow. Vyschaya Shkola. 2012.

15. Ostrovsky A.H. *The Complete Set of Works*: In 12 v. Moscow. Iskusstvo. 1973–1980.

16. Savinkov S.S., Faustov A.A. (2010) *Aspects of Russian Literature Characterology*. Moscow. Kulagina – Intrada Publ. 332 p.

17. *Dictionary of Contemporary Russian Literary Language*: In 17 v. Moscow. USSR Academy of Sciences Publ. 1948–1965.

18. Stratanovskiy G.A. Theophrastus and His 'Characters'. In: *Theophrastus. Characters*. St. Petersburg. Azbuka-klassika. 2010.

19. Pereverzev V.F. Timkovskiy. Sergey Shumov. Moscow, 1915. *Sovremennyy Mir*. 1915. No 11.

20. Pospelov G.N. (1978) *Theory of Literature*. Moscow. Vyschaya Shkola. 1978. 351 p.

21. Tamarchenko N.D. A Type. In: *Poetics. Glossary of relevant terms and concepts* / Chief Science Ed. N.D. Tamarchenko. Moscow. Kulagina – Intrada Publ. 2008.

21. Tamarchenko N.D. Aesthetic activity. In: Tamarchenko N.D., Tyupa V.I., Broytman S.N. *Theory of Literature*: In 2 v. Vol. 1. Moscow. Akademia. 2004.

22. Turgenev I.S. The Complete Set of Works: In 30 v.; Works: In 12 v. Vol. 11. Moscow. Nauka. 1983.
23. Khalizev V.Y. (2009) Theory of Literature. Moscow. Akademia. 432 p.
24. Artistic Anthropology. Theoretical and historical-literary aspects. Materials of International Scientific Conference 'Pospelovskie Chtenia' – 2009 / Eds. M.L. Remneva, O.A. Kling, A.Ya. Esalnek. Moscow. MAKS Press. 2011. 512 p.
25. Chernets L.V. Characters and Their Sphere in Literary Works: Concepts and Terms. In: Artistic Anthropology. Theoretical and historical-literary aspects. Materials of International Scientific Conference 'Pospelovskie Chtenia' – 2009 / Eds. M.L. Remneva, O.A. Kling, A.Ya. Esalnek. Moscow. MAKS Press. 2011.
26. Chernets L.V. The Types of 'samodur' и 'delovoy chelovek' in A.N. Ostrovsky's Plays. In: Heritage of A.P. Skaftymov and Actual Problems of the Study of Drama and Prose. Materials of II International Skaftymovskie chtenia. (Saratov, 7–9 October 2014). Moscow. A.A. Bakhrushin State Central Theatre Museum Publ. 2015.
27. Chernets L.V. 'Chelovek v futlyare': Literary Type and Its Variations. Russkaya Slovesnost. 2014. No 2.
28. Chekhov A.P. The Complete Set of Works and Letters: In 30 v. Letters: In 12 v. Vol. 3. Moscow. Nauka. 1976.
29. Chekhov A.P. Collected Works: In 12 v. Vol. 9. Moscow. Gosudarstvennoye Izdatelstvo Khudozhestvennoy Literatury. 1956.
30. Characters in Fictional Worlds, Understanding Imaginary Beings in Literature, Films and Other Media / Eds. J. Eder, F. Jannidis, R. Schneider. Berlin; N.Y. De Gruyter. 2010. 596 p.

Сведения об авторе:
Лилия Валентиновна Чернец,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Liliya V. Chernets,
Doctor of Filology
Professor
Filological Faculty
Lomonosov Moscow State University
cherli65@yandex.ru